

Объединение ради объединения?

Экуменические тенденции и самоопределение личности

Борис ЛЕПЕШКО,
кандидат философских наук, доктор исторических наук

Празднование 1025-летия крещения Руси вновь обострило общественный интерес к теме значения христианства и его ценностей в современном обществе. Достаточно вспомнить, как квалифицировали это важнейшее событие участники торжеств. Скажем, президент Украины Виктор Янукович рассматривает его как важнейшую предпосылку становления украинской государственности и как тот свет, который указывает дорогу к евроинтеграции. Когда-то привычные клише о славянском единении в его выступлениях не звучали. Белорусская и российская стороны акцентировали внимание на общности исторических судеб восточнославянских народов и вытекающих из этого оптимистических перспективах.

О своем намерении принять участие в праздничных мероприятиях в Киеве не раз заявлял Папа Римский Франциск, однако в силу ряда причин это не осуществилось. Мотивы возможного участия главы католической церкви – свидетельство понимания общих исторических судеб христианства, важности единства действий представителей его различных ветвей, особенно в связи с теми вызовами, которые предъявляет нам современность.

События в Киеве, на территории Беларуси и России, приуроченные к знаменательной дате, продемонстрировали реальность существования альтернативы тем процессам, которые набирают силу в Западной Европе и связаны, по сути, с пересмотром основополагающих христианских ценностей, прежде всего этических. Скажем, легализация однополых браков, возможность усыновления детей такими семьями, настойчивое навязывание подобного рода семейных стандартов всему европейскому сообществу – все это не совпадает со сложившимися за века христианскими представлениями о традиционной семье и сформировавшихся в столь деликатной сфере нормах. Достаточно сказать, что Бог все же создал Адама и Еву, а не двух Адамов и не двух Ев. Хотя ничто не мешало ему поступить в духе современного либерального прочтения приоритетов европейской жизни. Эта и подобные проблемы активно комментируются при анализе перспектив христианского дела.

Весьма актуальна сегодня также экуменическая проблематика, связанная, главным образом, с кризисом религиозного сознания, религиозной практики, желанием объединенными усилиями противостоять угрозе деструктивных сект. Усиливается понимание того простого факта, что со-

ОБ АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский государственный университет имени Я. Купалы. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980).

В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ.

С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета.

С 2007 года – профессор БрГУ имени А.С. Пушкина, профессор Опольского университета (Польша).

Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001).

Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей.

Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

временный человек нуждается в духовной поддержке ничуть не меньше, чем его предшественники времен раннего христианства. Однако далеко не все прямо и недвусмысленно поддерживают экуменические тенденции. В частности, в обществе выражаются опасения разного рода: от констатации угрозы национальным традициям, «вере отцов» до прогнозирования утраты национальной идентичности и деформации традиционных ценностей.

Помимо конфессионального, данная проблематика может рассматриваться также в мировоззренческом, политическом, психологическом и иных аспектах. Иначе говоря, экуменизм сегодня «выходит» за пределы достаточно узко очерченного традиционного круга ценностей и становится важной предметной областью философского мышления.

Ситуация осложняется тем, что все мы находимся перед непростым выбором существенных характеристик собственной идентификации. Относятся ли к ним глобализм, права человека и демократия, за которыми легко просматриваются, прежде всего, западные ценности, или это что-то иное? А православие – оно «русское» или «белорусское», «сербское», и вообще, уместно ли подходить к данной сфере с подобными критериями? Но ведь подходят, когда говорят, что русский – это православный, а белорус должен иметь другие идентификационные характеристики в конфессиональном смысле. Иначе – в чем «специфика» белоруса как гражданина суверенного государства?

Конечно, можно возразить, что схожие тенденции наблюдались и ранее. Скажем, известный прецедент, связанный с деятельностью великого русского философа Владимира Соловьева: его экуменическая деятельность выходила далеко за привычные догмы о родовом единстве христианства. Достаточно вспомнить, что русский религиозный мыслитель выдвинул идею свободной теократии, призывая к единству первосвященнической власти римского папы и мирской – российского царя. В стремлении добиться практической реализации данной идеи он предпринимал самые различные действия: от написания собственно философских, публицистических трудов до практических шагов (переписка с хорватским епископом-католиком Штроссмайером и

предсмертное принятие католицизма, впрочем, не до конца подтвержденное).

Человек, воспитанный на православных традициях (дед философа был священником, отец, известный историк, также отличался глубокой верой), крупнейший религиозный мыслитель, гений философии, тем не менее, совершает немислимый для многих современников идейный кульбит и защищает ценности, к которым достаточно враждебно относились большинство представителей тогдашней интеллектуальной среды. Однако традиция, которую теоретически разрабатывал Владимир Соловьев, все же находила сторонников среди православных.

Вспомним Петра Чаадаева, который в своих «Философических письмах» резко критиковал православные ценности, современное ему состояние русского общества и философии. Нельзя отрицать, что он был совершенно прав в главном: в констатации некоторой интеллектуальной отсталости страны. Конечно, намеренно обостряя проблему, блестящий кавалергард, друг Александра Пушкина утверждал, что достижения россиян в духовной сфере малозначительны, и одна из причин сложившегося положения – выбор православия, византизм, под которым им понимался догматизм, заскорузлость мышления, отсутствие энергетика, мягкотелость и слабоволие. Мнение, безусловно, во многом спорное. Кстати, Пушкин, прочитав первое «Философическое письмо», отнесся к нему достаточно сдержанно. Но, в то же время, поэт заметил, что П. Чаадаев сделал главное: обратил внимание на проблему интеллектуальной (шире – духовной) несостоятельности русского общества. Скрывать собственные недостатки не следует даже тогда, когда правда «колет глаза».

Однако представляется, что и Владимиру Соловьеву, и Петру Чаадаеву была свойственна недооценка существенного факта: слабость православия очень часто становилась его силой. На ум приходит дискуссия с одним униатским богословом, который говорил: посмотри на новых, молодых православных священников, они еще вчера трактором управляли, а сегодня говорят о духовности. Что ж, в этих утверждениях содержится немалая доля истины: наши православные кадры не имеют такой школы. Кроме того, в послереволюционные

годы они были почти подчистую выбиты карательными органами. Но в этой слабости заключается и наша сила, поскольку священник – плоть от плоти людей, между ними не может быть пропасти в образовании и культуре. Мы либо вместе поднимемся, либо вместе исчезнем.

Дело еще и в том, что для большинства светских философов размытость критериев религиозной духовности затрудняет процесс, называемый самоопределением личности. Почему выдающийся религиозный философ Сергей Трубецкой называл экуменические идеи своего учителя и друга Владимира Соловьева «чуждествами великого ума»? Во все не потому, что сама идея экуменизма вызвала протест. Речь шла о другом: современная им российская действительность (вторая половина XIX – начало XX века) не давала примеров (не демонстрировала возможностей) практической реализации этого грандиозного проекта. Традиции держат нас, как оковы, они же позволяют нам выжить – вот главная максима, которая главенствовала тогда, почти двести лет тому назад и которая столь популярна и ныне.

Экуменические настроения, как правило, исходят из западной ветви христианства. Это и понятно: энергетизм, активность, в общем, то, что сейчас любят называть креативностью, характерны для всего западного общества в целом, в том числе и для церкви в противовес привычной восточной толерантности и созерцательности. Более того, те же православные приходы во все не озабочены немедленным решением вопроса об объединении христианских церквей в единое целое. Скорее наоборот, господствует стремление к сохранению в чистоте основ, бережному отношению к тому духовному богатству, которое досталось от предков и которое надо передать детям.

Конечно, в начале уже XXI века ситуация принципиально изменилась – главным образом за счет информационного давления, навязывания множества альтернативных точек зрения, пресловутого плюрализма мнений и концептов, глобализации. Логика здесь проста: раз глобализация имеет всеобщий характер, то почему эти процессы не должны быть распространены на религиозный сегмент общественной мысли, духовного опыта и организации жизни?

▲ Крестный ход в честь 1025-летия крещения Руси в центре Минска. 2013 год

Те, кто пытается каким-то образом защитить традиционные ценности, объявляются «ретроградами» и «консерваторами». Между тем происходящее отнюдь не является борьбой каких-то абстрактных течений, речь идет о защите традиционных ценностей, причем представителей всех христианских конфессий, а не одного только православия.

Во-первых, никто толком так и не объяснил, почему необходим экуменизм. Для того чтобы «быть вместе»? А что это значит практически и теоретически, догматически? Это – тема для широкой и глубокой дискуссии и соответствующей практики, для которых, кстати, общество должно созреть. Во-вторых, здесь надо исключить политический фактор, нацеленный на решение сопутствующих политических задач и проблем. Злободневность неуместна, если мы оперируем категориями вечности. В-третьих, разве мы исчерпали возможности того или иного христианского учения и только и остается, что искать спасение исключительно в категориях универсализма?

Хотелось бы обратить внимание на одну тенденцию в жизни общества: моду на консерватизм. Нынче все и поголовно записываются в консерваторы, никто не желает быть революционером. Дмитрий Медведев с его недавней программой модернизации – консерватор, несмотря на спорность антиномии: модернизация и

▲ Отец Зинов

консерватизм. Владимир Путин, коммунист Геннадий Зюганов – тоже консерваторы. И это никого не удивляет: общество «наелось» реформ и революций до отвала. Что уже говорить о церкви: охранительная, консервативная идеология здесь всегда предпочтительнее новаций. Да, она не всегда побеждает: вспомните безуспешные попытки Михаила Каткова и Константина Победоносцева удержать Россию на краю пропасти во второй половине XIX века. Не всегда были на высоте и сами охранители: в известной триаде «православие, самодержавие, народность» потерпели поражение все составляющие элементы уваровской идеологической «тройки». Это исторический урок: общество готово принять иерархию ценностей, сформированных на православной основе, но теоретики церкви должны приложить достаточно большие усилия для того, чтобы такая иерархия была сформулирована быстро, ясно и понятно.

Могут спросить: а зачем какая-то иерархия ценностей, если есть учение церкви? Зачем ломиться в открытую дверь? Ответ очевиден: есть решения вселенских соборов, а есть богослужебная практика, доверительные беседы священника с верующими людьми. Есть таинства, но есть и публицистическая деятельность богословов. Здесь вступают в силу иные правила игры, связанные с популяризацией наших ценностей,

привлечением Интернета, масс-медиа, телевидения. Известный реставратор, публицист Савва Ямщиков в своей замечательной книге «Созидающие» (Москва, 2007) приводит пример деятельности иконописца отца Зинова, архимандрита, который служит и трудится в Псковской области. Отец Зинов – один из известнейших современных иконописцев, причем опирающийся на раннехристианскую традицию. Это значит, что его работы вступают в противоречие с пышным декором, бутафорией, искусственными ароматизированными цветами и оказываются ненужными в таком соседстве. Имел место конфликт и иного рода. К отцу Зинову приехали учиться итальянские иконописцы, конечно, католики. И по обители, где тогда монашествовал отец Зинов, пополз слухок: он, дескать, ночами молится вместе с приезжими и фактически предаёт веру. Высшее начальство отстранило от службы наместника монастыря, сам Зинов был вынужден покинуть обитель. Савва Ямщиков резко восстает против такого подхода: ведь в любом западном соборе можно встретить православные иконы. Стереотипы, закрывающие возможность культурного сотрудничества, конечно же, вызывают протест. Если следовать логике таких ревнителей веры, то надо для начала уничтожить Успенский собор в Кремле – строил-то его католик Аристотель Фиораванти. Русские портретисты XVIII века – Ф. Рокотов, А. Антропов, Д. Левицкий учились у католиков: итальянца Пьетро Ротари, шведа Александра Рослина. А упоминавшемуся иконописцу Зинову монастырь кармелиток в Венеции заказал иконы и впоследствии получил их. Собственно, примеры во всех духовных сферах столь обширны и убедительны, что дальнейшее перечисление их необязательно.

Но при всей важности развития подобных контактов не подлежит сомнению: мы сегодня испытываем потребность не столько в новых идеях, сколько в защите традиционных устоев. Конечно, плыть наперекор времени – это значит утонуть, погибнуть. Но весь вопрос в том, что считать рекой времени. Убедительные и ясные ответы на него были даны нашими предшественниками и связаны с практикой и теоретической деятельностью православных институтов и организаций.

Мы недостаточно хорошо знаем и самих себя, и своих духовных предтеч. Следо-

вало бы углубиться, скажем, в труды отца Павла Флоренского, которые помогут понять действительно «старую новую» истину. Наше православное интеллектуальное творчество необходимо поднять на новую высоту, поскольку его нынешний уровень не отвечает сегодняшним потребностям. Главное же, нужно четко осознавать свою ответственность перед теми, кто сегодня только задумывается и о себе, и о своей духовной дороге. Важно предложить им цельное мировоззрение, в основе которого были бы не только плюрализм и глобализм, но и национальные ценности, и патриотизм. В этом смысле, думается, Церковь могла бы создать учебник для вузов по философии, да и по всему спектру гуманитарных наук, пусть и в форме альтернативного представления системы знаний.

Истоки возникшей в этой области проблемы нужно искать в трагедии, которая произошла в конце XIX – начале XX века. Суть ее заключалась в том, что прервалась интеллектуальная нить, представленная блестящими именами наших славянских православных философов: Николая Бердяева, Владимира Соловьева, Павла Флоренского, Василия Розанова, Льва Толстого, Дмитрия Мережковского, братьев Трубецких, Николая Лосского, Льва Франка, протоиерея Зеньковского и многих иных замечательных умов. Это была национальная философия, православная в своей основе, что отнюдь не умаляет мирового значения идей названных авторов. К слову, Институт философии Национальной академии наук Беларуси вполне мог бы разрабатывать эту тему более активно. Ведь названную традицию мы с трудом восстановили, но не продолжили. А жить лишь достоянием прошлых эпох – неправильно.

Полагаю, что тема продолжения православной философской традиции намного актуальнее усилий в сфере постмодернистских (в частности) поисков, инсталляций в сфере человеческого духа. Кроме того, если не изучать Владимира Соловьева, будешь изучать, например, Абрахама Маслоу. Если предать забвению историософские труды Мережковского, на прилавках книжных магазинов появятся другие исторические произведения, скажем, Мориса Дрюона. И это, понятно, не к тому, что надо знать Соловьева и не надо – Маслоу: надо читать и тех, и других. Но должна быть верно

выстроена иерархия ценностей: вначале национальные духовные ценности, а уже потом глобальные, вначале собственное их понимание, а уже затем – общечеловеческое.

Будем реалистами: экуменический процесс неминуемо сформирует новую иерархию ценностей. Однако достаточно ли мы конкурентоспособны для того, чтобы защитить приоритетное для нас, в том числе в части интеллектуальной? Чтобы быть в этом уверенными, в процессе становления белорусского общества необходимо сделать упор на национальном, формировании его духовной состоятельности.

В заключение хотелось бы напомнить, немного перефразировав, слова Льва Гумилева, сказанные им незадолго до кончины в одном из интервью: «Мы попали в очень страшное время. Нация русская, наш этнос сваливаются в пропасть. Но мы не имеем права сдаваться. Мы, пока ходим, должны этот этнос поддерживать».

В экуменическом контексте это звучит более чем актуально. Дело в том, что пути выхода общества из кризиса в постперестроечный период менее всего были связаны с заимствованиями западных ценностей и достижениями западной цивилизации. Да, вопросы экуменического характера сегодня весьма злободневны, тут спору нет. Для достойного ответа на современные вызовы христианство должно использовать все мыслимые ресурсы, в том числе и этот. Однако при выработке отношения к данному явлению определяющим, надо полагать, должен быть именно практический акцент, опора на жизнь. В связи с этим уместно привести слова Патриарха Алексия I, который, благословляя игумена Псковско-Печерского монастыря на служение, наказал так: «Алипий, запомни: для того, чтобы быть нормальным патриархом и игуменом, ты обязательно должен в правой руке держать скипетр и державу, а в левой – лопату для дерьма. Не чурайся земных дел». Есть высокие и абстрактные цели, а есть и та жизнь, которую обычно называют «простой», «обыкновенной». В ней растет новое поколение, которому нужна, прежде всего, правда. И она неразрывно связана с нашей ментальностью, нашей историей, нашим пониманием ценностей. Ее и надо хранить – даже тогда, когда кто-то призывает к обратному. ─